

Екатерина
Парканская

Латтанский
Фрон

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Парканская, Екатерина Антоновна.

П18 Латтанский трон / Екатерина Парканская. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-237854-6

Наура, дочь императора, привыкла к миру, где правит рациональность, а власть завоевывают мечом. Но, когда ее похищают и отправляют в Масерию — страну богов и мистических ритуалов, она оказывается в религиозном институте, где чужестранки обречены на смирение. Здесь поклоняются многочисленным богам, жрецы плетут интриги, а судьбы правителей часто решаются не на полях сражений, а в стенах храмов.

Когда империи рушатся, судьба одной пленницы может изменить весь мир. Но какую цену готова заплатить юная Наура за собственную свободу? Когда предательство ранит глубже вражеских оков, сможет ли она простить или выберет месть?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

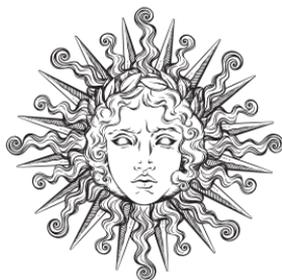
ISBN 978-5-04-237854-6

© Парканская Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

КНИГА I
МОЛИТВА
СОЛНЦУ

*«Обратись к дому своему, обратись
к детям своим. Служи им – и они не забудут
тебя, как я не забыл отца своего».*

*Поучения Аменемхета
своему сыну Сенусерту*

ГЛАВА I

«Война — мать всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» — эту мысль одного эльдера как-то зачитал мне отец. Тогда мне казалось, что я поняла его. Но подлинный смысл этой фразы открылся мне лишь теперь.

7

Вспоминая его твердый, полный уверенности взгляд, я сжала кулаки до белых костяшек. Коленки саднили, во рту пересохло. Сдвув с лица челку, я подняла взгляд на жену царя, без двух минут императора Масерии. Ее темные глаза, широкие брови, плотно сжатые губы, тонкие, но жилистые руки, то, как она сидела на троне, — все говорило о том, что это была властная женщина.

— Встань, — приказала она на моем родном латтанском языке. От ее акцента меня передернуло.

В воздухе стоял смолистый аромат ладана и мирры. Я не сдвинулась с места. В некоторой мере из нежелания повиноваться, но по большей части от непреодолимой слабости в ногах. Меня не кормили с самой остановки в Лептисе. Два воина, которые минуту назад швырнули меня, как мешок с зерном, в ноги к царской

жене, не дожидаясь приказа, подняли обратно. Хоть это и было больно, я поблагодарила богов, что они не отпустили меня, а тисками сжали мои руки: упали я — и честь моя пошла бы ко дну вместе со мной.

— Я — твоя повелительница Тия, жена царя Небтауи, да будет он жив, процветающ и здоров, — спокойно проговорила она, осматривая меня с ног до головы. — Могла бы отправить тебя, дочь моего врага, в храмовые невесты на границе с Аштерретом...

Тия сделала паузу, и ее гладкая ладонь потянулась к тонкому загорелому подбородку. В ее взгляде не читалось ни капли сочувствия. В нем не читалось ничего, кроме того удовольствия, что получают люди, когда их враг жалок и стоит перед ними на коленях.

8 «Запугать меня не удастся, *vipera venenata*¹», — промелькнула мысль у меня в голове, но я проследила, чтобы на лице не дрогнул ни один мускул. Убить меня она не может, ведь тогда шантажировать моего отца будет нечем. А со всем остальным, что бы она ни приказала, я справлюсь. Главное, не показывать своей слабости.

— Но сегодня Боги благосклонны к тебе, ведь я милосердна, — наконец, промолвила она все также на моем родном языке, настолько бесстрастно, что я на секунду восхитилась ею. — Представься.

Я молчала. Стражи сжали кулаки на моих предплечьях так, что я чуть не взвизгнула. Закусив губу от боли, я все же ответила на языке, которому меня учили с самого детства:

— Вам знакомо мое имя, царская жена.

¹ Ядовитая змея (*пер. с латтанского*).

Брови Ти невольно взлетели вверх. Не скрывая удивления моему знанию масерского, она усмехнулась и продолжила разговор уже на языке своей страны:

— И все же. Представься.

Глаза заливал пот, в них лезли волосы, а хватка стражей не ослабевала. Кончики моих пальцев начало сводить. Я держалась достойно, но силы утекали от меня, как песок пустыни Адж¹ сквозь пальцы.

— Мое имя Наура, я дочь цезаря Луция из династии Антонинов и наследница Латтанского престола, — выпалила я. А следующие слова вылетели из моих уст сами по себе, и я сразу пожалела о них: — И когда-нибудь я смогу править, не называя себя ничьей женой и ничьей матерью, в отличие от вас, царская *супруга*.

Женщина громко рассмеялась, а в моих глазах загорелся недобрый огонь обиды вперемешку с яростью. Как нелепо, наверное, я сейчас выглядела. «Не сдавайся» — повторяла я себе, расправляя морщинки между бровей и возвращая спокойное выражение лица.

— Мне не следует уподобляться вам, латтанцам, и унижать тебя напоминанием о недавнем падении Латтанской империи от рук моего мужа. К слову сказать, я горжусь называться его женой. Да и для наследницы престола ты слишком мало знаешь об уважении к культуре чужой страны... В тебе нет того, что делает слова правителя весомыми — ни силы ума, ни силы чресел.

Медленные рассуждения женщины сопровождались еле заметной улыбкой, но я обратила на это

¹ Самая большая пустыня в мире, пролегающая на западных территориях Масерии.

внимание только на контрасте с резкостью ее последующих приказов:

— Будешь жить в Институте на Западном берегу. Кто знает, может, станешь почитательницей, а то и *супругой* бога? — Она ослабилась. — Проводите нашу маленькую наследницу в ее новый дом. Возьмите лошадей из царской конюшни.

10 Путь не занял больше получаса, но казалось, мы ехали вечность. Меня поставили на колесницу к одному из воинов. Как бы крепко он ни держал меня, из-за связанных рук и слабости в ногах сохранять равновесие было тяжело, и пару раз я чуть не свалилась на землю. Волосы закрывали мне обзор. Я перестала пытаться поправить их резкими движениями головы сразу, как мы вышли на залитую ослепляющими лучами масерского солнца улицу.

Спустя какое-то время меня переволокли на маленькую серповидную лодку. Весь путь стражник молчал — видимо, его недружелюбный напарник остался при своей повелительнице. Впрочем, теперь, зная, что я говорю на их родном языке, они бы вряд ли стали много болтать.

Хоть я и плохо видела, но сразу поняла, что вез меня тот, что был поплечистее. Жирные смоляные космы уложены за уши, темная сухая кожа натянута на скуластое, острое лицо; узкий прямой нос, и глаза — черные, с чуть опущенными веками, будто в вечной задумчивости. Пахло от него потом и маслом, которым он натирал плечи каждый день нашего пути. Ноги босые, в песке. Поясная повязка — несвежая, вся в темных пятнах, с туго завязанным узлом на бедре.

Он держался прямо. В нем чувствовалась не военная выправка, скорее достоинство человека, уверенного в своей земле и своей правде. Уверенного в том, что я его главный враг.

Вдали шумел город: звон меди, чьи-то голоса, смех и детский плач. Все звуки приглушались плотной пеленой пыли. Только плеск Хапи был отчетлив — ленивый, с резким запахом ила и водорослей. Но было в нем и что-то утешающее.

Еще на уроках Онесикрата я узнала об одной странности, которая никак не укладывалась в моей голове.

— Западный берег Хапи, — говорил он, — на самом деле находится на востоке.

Я помню, как тогда нахмурилась: реки ведь текут в одном направлении, солнце встает и садится одинаково для всех людей. Но грамматик, улыбаясь, снова и снова повторял:

— Масерцы считают иначе. Они воспринимают мир не так, как его видим мы на латтанских картах. Для них Хапи течет из Нибута — снизу вверх, и все в их мыслях разворачивается наоборот.

И потому, когда они говорят «западный берег», я вижу его справа от солнца, а они — слева. Их стороны света — словно отражение в воде, где все перевернуто и все равно остается правильным.

Мне всегда казалось это странным, почти упрямым. Но чем больше я слушала Онесикрата, тем яснее понимала: масерцы во всем отличались от нас — даже в таких незначительных на первый взгляд мелочах.

Река напомнила мне о жажде, и язык прошелся по нёбу — сухому, как натянутый пергамент. По моей щеке потекла нежданная горячая слеза, я даже не сра-

зу поняла, что она принадлежит мне. И сама того не замечая, задремала.

— Здравствуй, хенеретет Меритмут, — пробубнил мой страж, пришвартовавшись после непродолжительного плавания. Лодка раскачалась от его быстрых шагов.

— Да воссияет твое лицо, — спокойно ответила незнакомка.

Мужчина резко поднял меня за шиворот и потащил, чтобы поставить на причал — прямо перед темноволосой женщиной в длинном облегающем платье цвета прибрежной лилии. Он наспех передал ей свернутое письмо, поклонился с уважением и поспешил удалиться. Думаю, после такого долгого путешествия из самой столицы Латтанской империи он мечтал поскорее попасть домой, поцеловать любимую жену и обнять своих детей, которые с ребяческим восторгом встретили бы его еще на подходе к дому. И в этот момент он даже не вспомнит о том, что лишил меня всего, что у меня было.

«Пусть наслаждается последними минутами спокойствия, — мысленно разгорячилась я. — Скоро и на его улице будет война».

Рафинированная особа, проводив его взглядом, повернулась в мою сторону. Чистая, как сама Веста¹, она излучала несвойственные мне спокойствие и непоколебимую уверенность. Ее нежная ладонь легла мне на плечо, но, когда я вздрогнула от ее прикосновения, женщина одернула руку, словно обожглась.

¹ Латтанская богиня-покровительница семейного очага и жертвенного огня.

Черные глаза осматривали меня так, будто я была изголодавшейся нищенкой. Хотя, скорее всего, именно так я и выглядела. Я опустила взгляд на лохмотья, которые остались от моей любимой шелковой туники, и чуть не упала от внезапного головокружения и приступа тошноты.

— Пойдем со мной, девочка, — только и вымолвила она, аккуратно взяв меня под руку.

Меритмут, как назвал ее мой похититель, мягко потянула меня за собой по узким песчаным улочкам. Я ощущала на себе множество взглядов, но по сторонам не смотрела. Мне было совершенно не до этого. Я даже не успевала злиться, беспокоясь лишь о том, как бы мне не упасть, споткнувшись о внезапно появившийся под ногами выступ.

Меритмут иногда здоровалась с прохожими, и я невольно обратила внимание, что нам встречаются только женщины. Когда я все же случайно встретилась с одной из них взглядом, то заметила плохо скрываемое любопытство. Будто я была новой зверушкой на гладиаторской арене, которую вот-вот проткнут гладиусом¹ на потеху замершей в ожидании публике.

Наконец, мы зашли в более-менее прохладное помещение, спрятавшее меня от обжигающего солнца. Новая знакомая посадила меня на стул. Я с облегчением выдохнула, когда, взяв со стола нож, она одним грациозным движением разрешила веревки у меня на руках, а потом убрала волосы с моего исцарапанного лица.

Я осмотрелась. Сидела я на одном из многочисленных стульев вокруг длинного деревянного стола,

¹ Латганский короткий колющий меч.

устланного тростником. Стены были усеяны иероглифами и изображениями пышных празднеств с многочисленными кушаньями, людьми и зооморфными¹ богами.

Звон посуды отвлек меня от созерцания окружающей обстановки, и я с жадностью метнула взгляд в сторону женщины в белом платье. Она поставила передо мной столько еды, что у меня разбежались глаза: целая буханка хлеба, лук, горох и даже жареная перепелка, а из кружки, источавшей хмельной аромат, тонкой струей текла белая пена.

14 Я вопросительно взглянула на женщину, на что та ответила кротким кивком и тихо села рядом. Я набросилась на угощение, как голодный зверь, не забывая запивать все пивом. Либо мне показалось это от голода, либо масерское пиво и правда было очень вкусным. Пока я ела, женщина изучила письмо, переданное воином. А после внимательно наблюдала за каждым моим действием, пока я не отправила в рот последний кусочек хлеба, которым до блеска вычистила тарелку, и не сделала последний глоток из кружки. Живот, переполнившись, приятно побаливал, и меня начало клонить в сон.

— Я одна из жриц Амона, и имя мне Меритмут, — наконец, проговорила женщина. — Тебя зовут Наура? Необычное имя. Похоже больше на аштерретское, нежели на латтанское.

— Меритмут? «Любимая богиней Мут», если не ошибаюсь, — проговорила я, смотря жрице прямо в глаза.

¹ Имеющие вид животного или наделенные чертами животных.

— Царица, конечно, сообщила о том, что ты знаешь масерский язык, но я все равно приятно удивлена, — кивнула Меритмут, подтверждая мое предположение. — Может, тебе известно и то, как устроен наш женский Институт?

Я отрицательно мотнула головой и провела рукой по переполненному животу.

— Со всем почтением к вам, высокоуважаемая жрица, но верю, что мне это не понадобится.

— И отчего же это?

Собеседница выгнула бровь.

— Я уверена, мой отец в скором времени пришлет за мной послов и вернет меня домой.

Жрица смерила меня кошачьим взглядом и промурлыкала:

— А если не пришлет?

Я нервно сглотнула. Этого я боялась больше всего — поражения своей семьи и жизни в чужой стране, без возможности вернуться домой. Все, к чему меня готовили, мой долг перед страной, мои мечты — как бы сказали эльдерцы, все канет в Лету. Вся моя жизнь, прошлая и будущая, потеряет смысл. Наблюдать за падением родной семьи и всей Латтании... Лучше сразу умереть. Как же тяжело быть зависимой от воли других.

— Пришлет, — отчеканила я, сжимая кулаки.

— И все же, сейчас ты здесь, — пожала плечами жрица. — Ознакомься с местным бытом, хотя бы на короткий срок, тебе не помешает.

Я в этом сильно сомневалась, но все же кивнула. Если буду повиноваться, никто не увидит во мне угрозу.